

ИСКАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИКЕ: ПО МОТИВАМ РАБОТЫ ПОЛА ЭКМАНА «ПСИХОЛОГИЯ ЛЖИ»

Рудольф Фёдорович Додельцев¹, Полина Андреевна Абрамова²

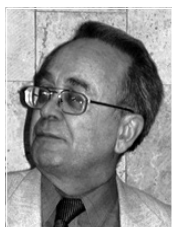
^{1, 2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ r.f.dodelzev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4016-773X>

² vorobeva-pauline@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1454-9806>

Аннотация. Обращение к концептуальному анализу механизмов искажения информации в политической жизни общества и проблемы лжи в политике на примере знаменитой книги американского психолога, профессора Пола Экмана «Психология лжи» (1985) поставило авторов перед вопросом о том, насколько эти механизмы зависят от культурного фона. Как известно, работа Экмана не просто знакомит читателя с возможными проявлениями политической лжи, но выявляет, как манипуляции общественным

мнением связаны с личностными смыслами, эмоциональным восприятием, самоцензурой, особенностями человеческой памяти, метафорами и нарративами. Также им отмечены явления, повышающие вероятность ошибки при исследовании на предмет наличия сознательного искажения информации. Описанные Экманом приёмы и подтверждающие их примеры позволяют выявить закономерности обнаружения лжи в политике, а также выявить значение лжи как специфической культурной стратегии. Авторы эссе сравнивают позицию Экмана с идеями представителей культурно-исторического подхода советской психологии, а также с рядом фундаментальных идей зарубежных авторов (прежде всего, с «огрупплением мышления» и политической метафорой) в контексте поиска источника, цели и результатов применения лжи как метода воздействия, в силу тех или иных обстоятельств получившего статус приемлемого в той или иной политической культуре. Вопрос о личностных смыслах, определяющих поведение человека, сопряжён в эссе с вопросом о способах присвоения индивидом групповых ценностей и смыслов. Тема сознательной и бессознательной лжи прослежена преимущественно на примере внешней политики США второй половины XX в. Авторы приходят к выводу о том, что по крайней мере ряд приёмов политического манипулирования и связанных с ними культурных паттернов имеют устойчивый характер; сознательное и бессознательное искажение информации в речевых и поведенческих стратегиях политиков оказываются типичными для сферы политической деятельности как таковой и не зависят в своей основе от локального культурного фона.

© Додельцев Р.Ф., Абрамова П.А., 2023

Ключевые слова: Пол Экман, искажение информации, манипуляция массовым сознанием, ложь, психология лжи в политике, огруппление мышления, эффект «мертвой зоны внимания», политическая метафора

Для цитирования: Додельцев Р.Ф., Абрамова П.А. Искажение информации в политике по мотивам работы Пола Экмана «Психология лжи» // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 1. — С. 74–84. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-1-25-74-84>

Philosophical essay

DISTORTION OF INFORMATION IN POLITICS: BASED ON THE WORK OF PAUL EKMAN *TELLING LIES*

Rudolf F. Dodeltsev¹, Polina A. Abramova²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ r.f.dodeltsev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4016-773X>

² vorobeva-pauline@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1454-9806>

Abstract. Conceptual analysis of the mechanism of information distortion in the political domain of public life and the issue of lies in politics undertaken in this study stems from the work of the American psychologist, Professor Paul Ekman *Telling lies* (1985). As the research question raised concerns about the cultural determination of these phenomena in politics, the authors attempted to determine whether deception and lies in public life depend on cultural background. In his work, Ekman presents the interconnection between personal meanings, emotional perception, self-censorship, features of human memory, metaphors, and narratives with the manipulation of public opinion. The paper indicates factors that may affect the study of intentional distortion of information and increase the possibility of error. The methods proposed in *Telling Lies* coupled with vivid examples enable us to identify patterns of political lies and investigate the meaning of lies as a specific cultural strategy. Specifically, this essay compares Ekman's arguments with the ideas of the cultural and historical approach of Soviet psychology, as well as with the ideas of prominent foreign authors concerning the acceptability of using lies in certain political cultures. In particular, the authors are interested in considering political metaphor and *group thinking* in studying reasons goals, and results of employing lies to create political clout. According to research, personal meaning is closely related to group values and meanings. Based on the example of American foreign policy in the second half of the 20th century, it is shown that across cultures there are some manipulation techniques and patterns. Accordingly, the authors conclude that intentional and unintended deception is typical of politicians despite their cultural background.

Keywords: Paul Ekman, distortion of information, manipulation of mass consciousness, lying, psychology of lying in politics, thinking stiffening, dead zone effect, political metaphor

For citation: Dodeltsev, R. F., Abramova, P. A. (2023) 'Distortion of Information in Politics: Based on the Work of Paul Ekman *Telling Lies*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(1), pp. 74–84. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-1-25-74-84>

Введение

В XXI в. потоки информации пронизывают все виды человеческой деятельности и существенно влияют как на внутреннее состояние конкретного общества, так и на его роль и функции в мировом сообществе. Сегодня владение уникальной информацией или её скудость, участие в производстве или распоряжении таковой, степень доступа к её потреблению не менее важны для положения индивида, социальной группы или государства в целом, чем некогда владение землёй или средствами производства, политической властью или социальными привилегиями. Не случайно говорят: «Осведомлён — значит вооружён». От полноты и качества циркулирующей в обществе информации, от путей её движения, её доступности различным социальным группам, от методов её передачи в ходе воспитания и получения образования новыми поколениями зависит уровень общественных достижений в экономике, политике, культуре, уровень сплочённости или конфликтности в стране, степень доверия или недоверия общества и отдельных социальных групп к власти и государству.

В руках власти информация становится основным инструментом манипуляции массовым сознанием, чаще всего принимая форму лжи. Российский исследователь Н. Кузнецова пишет: «Политические коммуникации выступают как специфический вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени» [Кузнецова, 2011: 19–20]. Особенно в современных условиях, когда в области распространения информации первостепенное значение приобретают высокие технологии. Конечно,

манипуляции смыслами — это не новое (хотя вряд ли устаревшее) явление в политике. Гораздо важнее отношение ко лжи политической машины и общества, то есть готовность государства подменять факты, а граждан — получать искажённую информацию¹.

Вместе с тем понятно, что существенные нарушения в информационной жизни общества (в первую очередь, имеется в виду неосведомлённость граждан той или иной страны о реальных фактах и событиях) чреваты для него осложнениями различной степени тяжести. Стремление разобратся в той роли, которую играет ложь в культуре вновь заставляют обратиться к книге американского психолога, профессора Калифорнийского университета Пола Экмана «Психология лжи».

Книга раскрывает причины и формы лжи, её моральные и социальные стороны, а также существующие методы распознавания обмана. Особое внимание уделено лжи политиков: Экман анализирует крупные политические скандалы в США второй половины XX в., в частности оправдания участвовавшего в скандале Иран-контрас (Ирангейт) офицера морской пехоты США Оливера Норта, политику Линдона Джонсона в отношении войны во Вьетнаме, поведение Ричарда Никсона во время Уотергейтского скандала, повлекшего его отставку, ложь Джимми Картера в ходе обсуждения операции по освобождению заложников в американском посольстве в Тегеране «Орлиный коготь», закончившейся полным провалом. Прочтение данной работы наталкивает на определённые размышления, в том числе в контексте обращения к практике блокирования недобросовестного обращения с информацией в политической среде на основе концепции первостепенности прав человека [Знаков, 1994: 91, 94].

¹ В политической культуре демократических обществ такие действия, как например фальсификация результатов выборов, принято квалифицировать как нарушение избирательных прав граждан. Признание фактов лжи, в том числе под давлением общественного мнения, заставляет, например, политиков США не только искать «место утечки» информации, но совершенствовать стратегию политической коммуникации. Что, в свою очередь, заставляет политиков корректировать свои действия.

Психология XX в. об индивидуальном и групповом мотиве

Учитывая многообразие направлений в психологии XX в., нельзя хотя бы кратко не упомянуть о том вкладе, который внесли в развитие научной психологии представители культурно-исторического подхода, разработанного выдающимся отечественным психологом Л.С. Выготским (1896–1934) и продолженным А.Н. Леонтьевым (1903–1979). Лев Семёнович Выготский утверждает, что становление человека начинается с реальной (предметной) деятельностью наших древнейших предков, осуществляемой в рамках первобытных коллективов. В ходе усвоения её принципы и схемы осознаются и перемещаются из внешней реальности во внутренний мир человека или, по словам Выготского, «интерпсихическое предшествует интрапсихическому» [Выготский, 1983: 203]. Проще говоря, мы, «оперируя сначала пальцами собственной руки или специальными палочками, лишь со временем научаемся счёту в уме». Таким образом, информационный поток, поступающий из внешнего мира, обрабатывается сознанием человека, формируя определённые представления об окружающей действительности. Отдельное внимание, как отмечают современные исследователи творчества Л.С. Выготского, он уделяет подведению под деятельностную теорию формирования личности экспериментальной базы, а также обоснованию роли рефлексии [Леонтьев, 2022] и самоанализа в поведении личности [Леонтьев, Лебедева, Костенко, 2017: 99–103]. Подчёркнём: учитывать специфику формирования личности с позиций научной психологии особенно важно в ситуации неопределённости [Мицкевич, 2018: 51], связанной с риском (или даже необходимостью) обмана, как это случается в политическом дискурсе.

Алексей Николаевич Леонтьев развивает идеи Л.С. Выготского о том, что внутренняя психическая деятельность рождается из действий с предметами. Чтобы действовать, недостаточно иметь предмет перед глазами, люди воспринимают вещи исходя

из того, как с ними можно взаимодействовать. Иными словами, от того, как сопоставляются образ предмета и воздействие на него, зависят индивидуальные и общественные механизмы восприятия и действия. Возрастающая коллективность их жизнедеятельности и усложнение высших психических функций приводит к появлению индивидуального сознания — «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя» [Леонтьев, 1975: 46]. То есть сознание отдельной личности является не порождение природы, оно возникает только в пределах коллективной жизнедеятельности, основой которой является язык. Язык, в свою очередь, несёт в себе фиксированные общественно-выработанные значения, полностью освобождённые от своей вещественности, и обретает форму разнообразных знаковых систем, прежде всего словесных. Поступающая в форме различных символов информация «выстраивает» внутренний мир человека: идеи, мысли и реакции.

Позже общество стало различать своих членов не только по психическим свойствам (такого рода дифференциация появляется уже у высших животных), а по их социокультурным функциям (по социальной значимости их пола, возраста и других индивидуальных особенностей в жизни общества). Тогда стало возможным говорить о появлении личности, объединяющей в себе реальное положение человека в коллективе и обществе с его самоопределением такового. Тогда-то и появилась личность как относительно самостоятельный «продукт» коллективной жизнедеятельности. Личность как бы двулика: в качестве объекта она отображает в своём внутреннем мире запросы и требования своего окружения, особенно социального, и направляется им. Вместе с тем, в ходе воспитания и обучения индивид наблюдает и подражает реальным социальным ролям, исполняемым старшими. Такое «проигрывание» превращается со временем в ещё одну совокупность свойств личности.

Будучи субъектом общественной жизни и получив от родителей весьма пластичный и одновременно вполне ориентированный набор задатков, predisposed

ностей, индивид с момента рождения специфически реагирует на любые внешние воздействия. То есть личность — это ещё и проекция своей психофизической индивидуальности на взаимодействие со своей средой.

Вернёмся к проблеме нарушений в процессе распространения информации и их, этих нарушений, влияния, приводящего к негативным отклонениям от норм в политической жизни общества. Будучи связана с властными отношениями в обществе, политическая деятельность осуществляется большими социальными группами (партиями, слоями и классами), хотя элитные группировки (политическая элита, авторитарный или тоталитарный лидер и его ближайшее окружение), управляющие ими, могут быть сравнительно немногочисленными. Деятельность политиков таким образом зависит как от свойств политических групп, которые их представляют, так и от личных свойств политиков, которые в эти группы входят.

Мотивы политика формируют собственные ему личностные смыслы, которые трансформируются в результате приобретения жизненного опыта; возникновение личностных смыслов — глубоко индивидуальный процесс. Леонтьев пишет, что наиболее ярко проявляется противоречие личностных смыслов и внешнего мира в условиях идеологизированного общества [Леонтьев, 1975: 75]. В таком случае личностные смыслы не всегда могут найти воплощающие их объективные значения, а индивид, который не способен самостоятельно выработать «мироощущение, совпадающее с окружающей действительностью» (то есть найти в собственном жизненном опыте «оправдание» происходящему), получает смыслы от общества как бы в готовом виде. Принятие навязываемых смыслов при этом может встретить внутреннее сопротивление, преодоление которого в каждом отдельном

случае будет определяться индивидуальными психическими свойствами личности (силой воли, степенью зависимости от мнения окружающих и т.п.). Тем самым открывается возможность навязывания личности практически любых, в том числе не подкреплённых реальным практическим опытом, идей и представлений. Такие смыслы превращаются в стереотипы, «вытравить» которые из сознания могут лишь существенные жизненные противоречия.

В то же время человеку необходимо, чтобы личностные смыслы находили адекватные значения, соответствующие внутреннему мироощущению индивида во внешнем мире. Эти значения содержатся в различных общественных позициях, причём не только и не столько в тех, которые более активно навязываются в силу тех или иных обстоятельств. Таким образом, полагает Леонтьев, борьбу за сознание людей выигрывает позиция, в которой выражены наиболее адекватные значения, связанные к тому же с личным опытом индивида².

Борьбу по продвижению значений активно ведут политики, в том числе используя ложь и манипуляции значениями, а, следовательно, и личностными смыслами: особую лексику, эмоциональную окраску (часто используется «сенсация»), повторение, изъятие из контекста, парцелляция и «купаж» информации; использование аргумента «от авторитета».

В этой связи имеет смысл остановиться на том, как одна из самых интеллектуально выдающихся политических команд в истории США приняла глубоко ошибочные решения. Виной тому стал феномен «огруппления мышления», обнаруженный Ирвином Дженисом, психологом Йельского университета. Данное явление, кстати, не противоречит идее А. Леонтьева, согласно которой образ действий и идеи, существующие внутри социальной группы, определяют её взаимодействие с окружением.

² Стоит отметить, что современная психология, как и философская теория личности, развернули исследования, намеченные Выгодским и Леонтьевым, в сторону раскрытия структуры личностных смыслов [Барьяхтар, 2018], а также поиска стратегий их реализации в обществе. Одной из трёх ключевых стратегий при этом называют «группоцентрическую» [Абакумова, Годунов, Белова, 2017].

Групповое единомыслие — идеальная почва для распространения неадекватной информации, которая ведёт прежде всего к самообману самих членов группы. К условиям возникновения «огруппления мышления» И. Дженис относит привлекательность членства в группе (все её члены должны быть заинтересованы в долговременном существовании своей «команды»); наличие авторитарного лидера, чьё мнение воспринимается как мнение всей группы; самоизоляция (ограждение от критики и неконтролируемость извне); отсутствие внешней экспертизы решений группы; групповое давление друг на друга. Всё это приводит к полной переориентации на лидера и его мнение, из-за чего возникает ощущение отсутствия альтернативных решений [Janis, 1972: 35–48]. В результате с течением времени непрофессионализм в такой группе растёт, и если вовремя не преодолеть групповое мышление, принятые решения могут привести к политическому кризису.

В США наиболее острая угроза «заражения» группомыслием существует среди администраций американских президентов. Администрация президента США обладает особенностями, которые являются благоприятной «почвой» для группомыслия: формируется и распускается президентом, подчиняется непосредственно ему. Её основная функция — консультирование главы государства. Так, например, когда 35-й президент США Джон Ф. Кеннеди сформировал полностью лояльную себе администрацию, образовалась закрытая элитная группа, ориентированная на мнение «первого лица». «Кульм личности» Кеннеди сделал невозможным критический анализ решений первого лица, результатом чего стали операция в бухте Кочинос с целью свержения правительства Фиделя Кастро на Кубе в 1961 г. Последствия инцидента «отрезвили» Кеннеди, который, узнав о результатах вторжения, задался вопросом: «Как мы могли быть так глупы?» [Janis, 1972: 138–146].

Другая особенность огруппления мышления состоит в том, что принятие того или иного политического решения становится зависимым от свойств «команды»:

от степени сплочённости группы, а также от её завышенной самооценки. Естественно, и администрация Кеннеди выработала не вполне адекватные представления об уровне своего влияния и морали, что привело к ряду ошибок. Самым серьёзным просчётом, пожалуй, стало вышеупомянутое вторжение в бухте Кочинос. Администрация президента не принимала во внимание возможность ожесточённого сопротивления кубинского народа, считая высадку морского десанта и подавление революции «благим делом». Такой самообман лишь укрепил связи Кубы с СССР, подорвав позиции США [Janis, 1972: 146–149].

В случае с «огрупплением мышления» информация поступает в группу по различным каналам, само по себе ложное восприятие обстановки формируется в результате самоцензуры, не являясь результатом «добросовестного заблуждения» либо изначально некорректных данных. Но что, если в определённой группе полной информацией изначально обладает один член? «Кто владеет информацией, тот владеет миром»; а значит человек, которому поступает вся информация, неизбежно становится лидером в группе (как обладающий преимуществом кандидат) и может манипулировать фактами (искажать или умалчивать факты о полученной им информации). Такая личность в зависимости от собственных моральных качеств может использовать различные инструменты и формы влияния, включая в том числе и искажение информации.

Экман о формах лжи

Если при «огрупплении» сознания речь идёт об ошибках при обработке информации, то Экман пишет о её намеренном искажении. Он считает, что есть две основные формы лжи: умолчание (сокрытие истинной информации) и искажение (ложная информация выдаётся за истинную). Чаще всего, полагает Экман, политик предпочитает первый вариант, его легче осуществить и скрыть в случае обнаружения правды. Так, ссылка на забывчивость и плохую память может служить надёжной подушкой безопасности. Экман при-

водит предложение Александра Хэйга, помощника президента Никсона, сослаться на невозможность вспомнить все детали, связанные с выдвинутым Джоном Дином обвинением, и таким образом выпутаться из Уотергейтского дела. Однако автор «Психологии лжи» напоминает, что стратегия «забывчивости» эффективна только в незначительных делах или событиях, произошедших давно [Экман, 2011: 21–23], ведь особо важная информация, как правило, не забывается.

Действительно, память человека — идеальная среда для распространения лжи, виной тому — разнообразные особенности человеческого мышления, в том числе «серые зоны» сознания. Например, описанные Фрейдом *deja raconte* («уже рассказанное» — термин, введенный З. Фрейдом для обозначения убежденности пациента в том, что он уже рассказывал о каком-либо эпизоде психоанализу, тогда как в действительности этого не было) и *deja vue* («уже виденное» — психологическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с определенным моментом прошлого, а относится к «прошлому вообще»), проще говоря, ложные воспоминания [Freud, 1949: 2–4]. Человеческая память уязвима к внешнему давлению и фальсификациям. В практике психоаналитиков можно найти множество примеров подмены как отдельных деталей, так и события в целом. Но можно ли изменить память о том или ином событии и, следовательно, его восприятие большой группой людей? Наверное, самый эффективный для этого инструмент в политике — сравнение текущей ситуации с историческими событиями. Подменить истину ссылкой на ложный факт несложно. Ещё легче, если выдуманное «запускает» в сознании процесс узнавания: люди постепенно начинают воспринимать чужой жизненный опыт и переживания, транслируемые СМИ в политическом контексте, как свои собственные. Например, искажая

факты о закупке гражданским населением Украины огнестрельного оружия, нидерландские СМИ, в частности, RTL Nieuws³, добиваются эффекта «подмены» воспоминаний, заставляя население думать, что события прошлого (происходящее напоминает нидерландцам об их национальном движении сопротивления немецкой оккупации во время Второй мировой войны) повторяются снова, но уже в настоящем. Таким образом, действия украинцев находят отклик в историческом опыте граждан Нидерландов, вызывая их симпатию и сочувствие несмотря на то, что эти две ситуации несопоставимы по масштабу: в случае Нидерландов граждане защищали страну от захватчика, который уже оккупировал Европу и угрожал всему мировому сообществу, тогда как конфликт в Украине сопровождается совершенно иной расстановкой сил.

Экман утверждает, что легче всего обмануть словами. В третьей главе «Психологии лжи» речь признаётся наиболее контролируемым аспектом поведения лжеца. Во-первых, словам окружающие уделяют много внимания, как наиболее эффективному способу передачи информации; во-вторых, слова, в отличие от тона, телодвижений и выражения лица, намного сложнее оспаривать. К тому же речь можно тщательно подготовить. Намного сложнее контролировать мимику («Знать, что говорить, легко; знать же, что выражает твоё лицо, куда труднее» [Экман, 2011: 72]); однако и речь не всегда можно полностью держать под контролем. Лжецы могут выдать языковые оговорки, нередко свидетельствующие о внутренних психических конфликтах, триады (явление, когда промахом является целая фраза), уклончивые ответы и иные вербальные увороты.

Тем не менее, не всегда вышеупомянутые словесные приёмы свидетельствуют о лжи. Пол Экман отмечает такое явление, как «капкан Брокау» [Экман, 2011: 144]: игнорирование индивидуальных различий поведения может натолкнуть на неверное

³ Национальная и телевизионная служба новостей. Охватывает около 1,5 млн. человек. <https://www.rtlnieuws.nl>

истолкование правды или лжи. Стоит помнить, что некоторые политики склонны говорить путанно, многословно (как, например, Н.С. Хрущёв), используя эмоциональные выражения. Чтобы уменьшить вероятность ошибок в оценке человека, необходимо постоянно сравнивать обычное поведение «подозреваемого» и поведение, которое исследуется на предмет наличия лжи.

Иной вид речевой манипуляции — эффект «мёртвой зоны внимания», открытый заведующим лаборатории когнитивных исследований НИУ ВШЭ И.С. Уточкиным. «Мёртвая зона» внимания — это область пространства, которая близко примыкает к наиболее интересному (центральному) объекту, в которой вероятность заметить искомым предмет или событие чрезвычайно низкая [Уточкин, 2011: 119]. Этот эффект активно используется в политическом поле. Используя эмоционально окрашенные выражения и высказывания, политики образуют вокруг эмоциональных акцентов «мёртвую зону». Психолог Т.П. Зинченко описывала эксперимент, который заключался в перечислении испытуемому ряда нейтральных слов, среди которых помещалось одно с яркой эмоциональной окраской. Результаты эксперимента показали, что если слова в середине ряда всегда запоминаются хуже, чем в начале и конце, то слова, находящиеся поблизости от эмоционально окрашенного слова, запоминаются ещё хуже [Зинченко, 2002: 118–120].

Хорошим примером использования политиками «мёртвых зон» с целью обмануть население являлась речь о войне во Вьетнаме, произнесённая президентом Линдоном Б. Джонсоном 29 сентября 1967 г. Американский президент ссылался и на «мудрый курс» нации, и на патриотические настроения американцев, и даже на агрессивную коммунистическую экспансию, угрожающую всему миру. Он использовал всевозможные средства выразительности речи, и всё для того, чтобы в конце подтвердить намерение США продолжать войну во Вьетнаме. Более того, Джонсон лично отбирал информацию, стремясь представлять только успехи американской

армии. Таким путём президент в течение нескольких лет обманывал целую нацию, создал иллюзию скорой победы, с которой в январе 1968 г. было покончено Тетским наступлением национальных сил Вьетнама. Таким образом, использование эффекта «мёртвой зоны» мешает обывателю адекватно воспринимать информацию и оценивать обстановку.

Важно отметить, что ложь не является безусловным злом. В быту люди, как правило, лгут, чтобы защитить чувства близкого человека. Политический же обман порой защищает интересы целой страны. С другой стороны, ложь политиков — это всегда игра с «нулевой суммой», ведь одна из сторон неизбежно несёт большие потери: имиджевые, финансовые, человеческие. Пол Экман приводит пример обмана, использованного для сокрытия неожиданного нападения. Успех израильской стороны в шестидневной войне во многом объясняется внезапностью атаки на противника. Чтобы скрыть намерение вступить в войну и усыпить бдительность врага, министр обороны Израиля Моше Даян использовал СМИ для распространения ложной информации о неготовности Израиля начать войну [Экман, 2011: 226]. Тем не менее, ложь политиков всё ещё осуждается, а не превозносится обществом: «Мы всё ещё верим, что можем избавиться от мошенников» [Экман, 2011: 288].

Таким образом, даже беглое обращение к «Психологии лжи» Экмана показывает, что книга находится в мейнстриме современных поисков культурной антропологии и политической психологии. В то же время сегодня рельефнее выделяются и недостатки этого исследования. В частности, в работе Экмана недостаточно внимания уделено психическим особенностям стороны, на которую направлена ложь. Нередко успех лжеца зависит от системы восприятия его оппонента. Восполнить недостатки рассуждений Пола Экмана в этой области помогает теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно этой теории, люди думают посредством метафор и нарративов, поэтому, когда человеческий мозг адаптирует поступающую в него информацию, он пропускает её че-

рез уже сформированную систему восприятия [Лакофф, Джонсон, 2004: 27]. Лакофф называет этот процесс идеально адаптирующейся системой (best-fit). Правда и факты менее важны, чем «своя правда», изначально присутствующая в голове человека. С точки зрения такого подхода можно рассмотреть и политическую метафорику. Она используется ежедневно, но не все обращают на неё внимание, что и делает её полезной для тех, кто её использует. Политики часто применяют слова, которые в повседневном дискурсе одушевляются, то есть им приписывается субъектность: власть, общество, менталитет, население. Метафора позволяет апеллировать к субъектности явления, перекладывать ответственность: «международное сообщество осудило» является ярким примером политической метафоры и не даёт объективной информации о том, кто осудил действие. В этом и заключается функция политической метафоры: людям сложнее анализировать поступающую информацию вне зависимости от её правдивости.

Заключение

Пол Экман в конце книги приводит старый американский анекдот: «Когда политик лжёт? — Когда шевелит губами!». История международных отношений доказывает справедливость этой шутки. Но значит ли это, что любая ложь в политике ведёт к разрушительным последствиям?

Не совсем так. Американские политики широко используются различного рода манипуляции информацией, порой во благо, а порой и во вред обществу. Однако тезис о том, что ложь нарушает права обманываемого человека, ведёт в американской политической культуре к требованию своеобразного политического покаяния в случае её обнаружения. То есть, если факт лжи доказан, принято, чтобы государственные служащие открыто её признали и в будущем учитывали недоработки своей публичной деятельности (считается, что таким образом государству предоставляется возможность эти ошибки исправить). Ещё раз подчеркнём: это касается только публично доказанных фактов искажения информации. Такую установку, основанную в том числе на авторитете научной психологии, можно считать следствием роста доверия к этой дисциплине. В чём несомненно есть заслуга книги Пола Экмана «Психология лжи», выявившего специфические культурные паттерны, связанные с практикой политической манипуляции. Сравнение его находок с подходами культурно-исторической школы советской психологии, а также с ключевыми идеями теории группового поведения, показывает отсутствие по крайней мере очевидной связи этих паттернов с локальным культурным фоном. Однако данная гипотеза нуждается в более детальном изучении в рамках конкретных политических культур.

Список литературы:

- Абакумова И.В., Годунов М.В., Белова Е.В. Развитие представлений о смыслообразующих стратегиях личности в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 5. — С. 13–16. <https://doi.org/10.23672/SAE.2017.5.6050>
- Баряхтар О.Ф. Модель структурных компонентов личностных смыслов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 2. — С. 85–91. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-85-91>
- Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии. — Москва: Педагогика, 1983. — 369 с.
- Зинченко Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. — Санкт-Петербург: Питер, 2002. — 320 с.
- Знаков В.В. Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой П. Экмана // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 84–91.

Кузнецова Н.А. Управление политической информацией и манипуляция общественным сознанием // *Власть*. — 2011. — № 11. — С. 19–21.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — Москва: УРСС, 2004. — 252 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — Москва: Политиздат, 1975. — 304 с.

Леонтьев Д.А. К психологии возможного: антропологический, детерминистский, аксиологический и экзистенциальный контексты // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. — 2022. — Т. 12, № 2. — С. 111–121. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.201>

Леонтьев Д.А., Лебедева А.А., Костенко В.Ю. Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л.С. Выготского // *Вопросы образования*. — 2017. — № 2. — С. 98–112. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112>

Мицкевич А.Н. Личность в мире неопределенности: методология культурно-исторического познания Л. С. Выготского // *Проблемы современного образования*. — 2018. — № 2. — С. 48–55.

Уточкин И.С. «Мертвая зона» внимания при восприятии изменений в зрительных сценах // *Вопросы психологии*. — 2011. — № 5. — С. 111–121.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. — Санкт-Петербург: Питер, 2011. — 302 с.

Freud S. Über Fausse Reconnaissance («Déjà raconté») während der psychoanalytischen Arbeit // *Gesammelte Werke Band X*. — London: Imago Publ. Co., 1946. — P. 2–4.

Janis I.L. Victims of groupthink: A psychological study of foreign-policy decisions and fiascoes. — Boston: Houghton Mifflin, 1972. — 146 p.

References:

Abakumova, I. V, Godunov, M. V and Belova, E. V (2017) 'Development of representations about the smysloobrazuyushchikh the strategy of the personality in modern society', *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (5), pp. 13–16. (In Russian). <https://doi.org/10.23672/SAE.2017.5.6050>

Baryakhtar, O. F. (2018) 'Model of Structural Components of Pearsonal Meanings', *Bulletin of Kemerovo State University*, (2), pp. 85–91. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-85-91>

Ekman, P. (1985) *Telling lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage*. New York; London: W. W. Norton & Co. (Russ. ed.: (2011) *Psikhologiya lzhi. Obmani menia, esli smozhesh'*. Saint Petersburg: Piter Publ.).

Freud, S. (1946) 'Über Fausse Reconnaissance («Déjà raconté») während der psychoanalytischen Arbeit', in *Gesammelte Werke Band X*. London: Imago Publ. Co., pp. 2–4.

Janis, I. L. (1972) *Victims of groupthink: A psychological study of foreign-policy decisions and fiascoes*. Boston: Houghton Mifflin.

Kuznetsova, N. A. (2011) 'Upravleniye politicheskoy informatsiyey i manipulyatsiya obshchestvennym soznaniyem [Management of political information and manipulation of public consciousness]', *Vlast'*, (11), pp. 19–21. (In Russian).

Lakoff, G. and Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. (Russ. ed.: (2004) *Metafora, kotorymi my zhivem*. Moscow: URSS Publ.).

Leontiev, A. N. (1975) *Deiatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, Consciousness, Personality]*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).

Leontiev, D. (2022) 'Towards the psychology of the possible: The anthropological, the deterministic, the axiological and the existential context', *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12(2), pp. 111–121. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.201>

Leontiev, D., Lebedeva, A. and Kostenko, V. (2017) 'Pathways of Personality Development: Following Lev Vygotsky's Guidelines', *Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, (2), pp. 98–112. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112>

Mitskevich, A. N. (2018) 'Personality in a World of Uncertainty: Methodology of Cultural-Historical Knowledge of L. S. Vygotsky's', *Problemy sovremennogo obrazovaniâ*, (2), pp. 48–55. (In Russian).

Utochkin, I. S. (2011) 'Dead Zone of Attention in Perception of Changes in Visual Scenes', *Voprosy psikhologii*, (5), pp. 111–121. (In Russian).

Vygotsky, L. S. (1983) *Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 5. Osnovy defektologii* [Collected works: in 6 vol. Vol. 5. Fundamentals of defectology]. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russian).

Zinchenko, T. P. (2002) *Pamyat' v eksperimental'noy i kognitivnoy psikhologii* [Memory in experimental and cognitive psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russian).

Znakov, V. V. (1995) 'Pochemu lgut amerikantsy i russkiye: razmyshleniya rossiyskogo psikhologa nad knigoy P. Ekmana [Why Americans and Russians lie: reflections of a Russian psychologist on P. Ekman's book]', *Voprosy psikhologii*, (2), pp. 84–91. (In Russian).

Информация об авторах

Рудольф Фёдорович Додельцев — кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии им. А.Ф.Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Полина Андреевна Абрамова — студент, Факультет международных отношений МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Rudolf F. Dodeltsev — PhD in Philosophy, Docent, Professor of the Department of Philosophy, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Polina A. Abramova — student, School of International Relations, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.